

Познакомься, это - ты

Мэйлин Юн

Мэйлин только заступила на утреннее дежурство. Закончив университет, она не смогла найти практику хирургом, и была вынуждена работать не по специальности. Выпускниц Пекинской академии брали на работу охотно, но в основном средним медперсоналом. Поднявшись на нужный этаж на сестринский пост в интенсивной терапии, Мэйлин разговорилась со знакомой медсестрой, Аи, и принялась просматривать карты поступивших пациентов.

- Известный мужчина, сотрясение, травматическая амнезия... - вслух прочитала Мэйлин. – И известный мужчина, коматозное состояние, краниотомия...В одной палате?

- Там близнецы. Доктор Ван сказал не разделять, пусть вместе лежат, да и того, что с амнезией, пока наблюдаем. Третий день пошел, он даже имя вспомнить не может. Какой-то он странный, смотрит так...

- Потеряла бы ты память, думаешь, по-другому бы смотрела? – Мэйлин прочитала историю болезни первого и второго.

- Ну уж явно не так. Хмурый, неразговорчивый. Мне ему, кстати, ноотропил надо поставить, а я каждый раз, как к нему идти, чувствую, как будто он на меня сейчас бросится.

- Плохо ему, - сказала Мэйлин. – Давай я схожу поставлю, посмотрю, кто там такой не приветливый.

- Поставишь, да? Ой, спасибо, Мэй. Мы его Ли называем, капельница в процедурной уже готова.

Мэйлин поднялась со стула и выкатила из процедурной стойку с капельницей, направившись к указанной палате. Мэй нравилось общаться с пациентами, даже с не приветливыми, необщительными и не желающими идти на контакт. Если она чем-то может им помочь, она должна помочь.

- Здравствуйте, - привычно поздоровалась Мэй, улыбаясь пациенту, лежащему на кровати, но улыбка в тот же миг сползла с ее лица. – Тай?

Тай Чун

Дуря со скуки, он не делал ничего – только смотрел в потолок и пытался вспомнить. Вспомнить хоть что-нибудь из прошлой жизни, кто он такой, как зовут, сколько ему лет, где и с кем живет, что любит. Он уже выяснил, что любит играть в шахматы, а еще постоянно потирает левую бровь и одергивает воротник больничной рубашки. Еще его тянет к земле, и он постукивает ладонью по кровати, пытаясь найти что-то твердое, какую-то незыблемую опору, хочется пропустить через пальцы жирную землю, закопаться в песок, перебирая его, коснуться твердого камня, чтобы ощутить

его основательность. Все эти ощущения не давали ему покоя, тянули и рвали, ломали, напоминая о себе, шли откуда-то изнутри, с основания позвоночника, что аж кончики пальцев начинали зудеть от осязаемой боли. Перебирает невидимые металлические струны, подчиняясь какой-то ритму, и понимает, что умеет играть на гитаре, но подтвердить свои догадки негде. Узнавание себя происходит мучительно, медленно, изматываяюще, каждая маленькая победа выпивает силы и утомляет. Постоянно хочется спать, но заснуть удастся только благодаря таблеткам или внутривенному вливанию. Сон отдыха не приносит, ноет голова и от яркого света болят глаза, так что в палате всегда полумрак, за исключением тех моментов, когда брата приходят осматривать. У него тоже никаких улучшений, состояние стабильное, но все еще тяжелое. Все это похоже на болотную трясину, из которой никак не получается выкарабкаться.

- Как вы меня называли? – девушка в костюме медика привезла капельницу, и он привычно высовывает руку из-под одеяла, мечтая, чтобы ему ввели что-нибудь, что разгрузит тяжелую голову. Имя кольнуло иголкой, с размаху воткнулось в голову, в затылок, да там и осталось, щекоча нервы. Тай. Так знакомо и незнакомо одновременно, и не получается сразу примерить на себя имя, привыкнуть к его звучанию. И все же звучит оно намного лучше того Ли, которым его окрестили служащие больницы. Пусть она назовет его так еще раз.

Мэйлин Юн

- Тай, - растерянно повторила Мэйлин в ответ на просьбу юноши. всматриваясь в знакомые черты лица. Так странно видеть его в качестве пациента, это знакомое лицо, которые больше привычно в обстановке монастыря или города, но никак не в стенах клиники. А в глазах - нет узнавания, он ее не помнит, не помнит даже свое собственное имя. Неудивительно, что ему так тяжело, когда теряешь даже то, что считаешь только своим - свое имя.

Мэйлин замолчала, не зная, что ей говорить. Она проворно поставила капельницу, потому что что-то делать было намного проще, чем думать о том, как ему помочь. Он не может сообщить ничего о себе, чтобы найти его родителей, а рядом, за ширмой, лежит его брат-близнец, но Мэйлин почему-то не хочется идти за ширму и проверять, так ли это. Она просто это знает, потому что на посту медсестры ясно сказали - братья-близнецы.

- Я вас...тебя знаю. И знаю твоих родителей, - наконец говорит Мэйлин, заканчивая с катетером и регулируя степень подачи лекарства на капельнице. Она может помочь только одним единственным способом - это помочь найти его родителей. Если они лежат тут третий день, то становится странным, что к ним еще не приехали Чун тайтай и Чун сяшшен. Они ведь такие чудесные родители, если бы они знали, то примчались же в первые минуты. - Я могу их найти и привести.

Как - это уже другой вопрос, и девушка об этом пока не думала. Но ей хотелось, чтобы рядом с мальчиками сейчас были родные им люди. Даже если один из них ничего не помнит, а второй лежит без сознания.

Тай Чун

Тай...Он прикрывает глаза и вслушивается в звучание имени, кажущееся таким

знакомым и незнакомым одновременно. Медсестра копошится с капельницей, но на это парень не обращает никакого внимания. Значит, его зовут Тай. Надо бы еще спросить, как зовут брата.

- А близнеца? - резко и неожиданно спрашивает он, открывая глаза, отчего оные начинают болеть, отдаваясь иголками боли в затылке и висках. Дальнейшее сказанное не находит в нем такого отклика, как то факт, что она может знать, как зовут его брата. Родители, да, хорошо, пусть найдет и приведет. Главное пусть скажет, что с братом. - Да, спасибо.

Он запоздало благодарит за заботу, но его интерес заключается только в имени близнеца. В попытках вспомнить того, кто когда-то, наверное, составлял огромную часть его жизни, а сейчас на том месте, где должен быть он, огромная сосущая пустота, потому что он не может вспомнить самостоятельно его имя. Что свое - ерунда, сойдет любое, без разницы. Эта девушка его знает, кажется, ее зовут Юн Мэйлин, если правильно прочитали на бейджике его ноющие глаза, но имя незнакомо, как и все вокруг. даже если он ее и знал раньше, сейчас она ему знакома не больше, чем эти стены, этот потолок и эта клиника вокруг. Но катетер она ставит аккуратно, почти не ощутимо, что что-то мешается в вене, у нее легкие руки, но молчание неловкое, тяжелое, давящее. Нерешительно буквально висит в воздухе, и ее можно почувствовать. Наверное, так себя чувствуют люди, которые встречаются впервые после долгого перерыва в отношениях, потерявшие связь и забывшие о существовании друг друга.

Мэйлин Юн

Мэйлин поняла, что Тай ее не узнает до сих пор, но ей не было это удивительным. Она и не рассчитывала, что он будет ее помнить. Она начала уезжать из монастыря почти десять лет назад, когда им еще было лет по девять, наверное, вряд ли за это время он хоть раз о ней подумал. Для них, скорее всего, она вовсе никогда не существовала. И за те моменты, когда она приезжала в монастырь, Мэйлин практически ни с кем не общалась. Они с близнецом повзрослели, возмужали, у них лица уже не мальчиков, но молодых мужчин, и так странно понимать, что ты вроде бы не меняешься, а для них время не проходит мимо. И те вчерашние мальчики девяти лет сегодня уже далеко не мальчишки.

- Тео. Его зовут Тео. Чун Тай и Чун Тео, - ответила Мэйлин. Она не знала, имеет ли права говорить что-то больше, потому что все это должны были ему рассказать кто-то из близких, а не она, неизвестная ему медсестра, лишь по счастливой случайности оказавшаяся в клинике в нужное время, чтобы иметь возможность помочь хоть чем-то. Она уже точно была уверена, что сегодня ее рабочий день превратится в день поисков. Она просто не сможет работать, зная, что он лежит один, гадая о себе и своей судьбе, когда она может хотя бы попытаться.

- Постарайся уснуть, лекарство поможет, - пообещала Мэйлин. Ей было неловко стоять в палате и чувствовать на себе это неузнавающий взгляд. Словно игра в одни ворота. Было бы проще знакомиться заново. Она поклонилась юноше и поторопилась из палаты, чтобы стряхнуть с себя это гнетущее чувство безысходности, витающее в воздухе комнаты. Она был растерян, возможно, напуган, и старался найти хоть что-то, что даст ему опору. Может быть, она дала

ему опору тем, что назвала ему имя.

Тай Чун

Чун Тай и Чун Тео. Не то чтобы эти имена всколыхнули что-то в его памяти, она осталась безучастна, но это было уже что-то среди того непонятного и неизвестного, что у него было. Он теперь знал свое имя и имя своего близнеца, пусть у него и не было оснований верить девушке, назвавшей ему их имена, ему казалось, что она не врала. зачем ей было врать, у нее не было на это причины. Или если и была, значит, она назвала им чужие имена. Но они были похожи на правду, намного лучше Ли и кого-то там еще, как из называли. Словно прилепили чужой ярлык.

Медсестра пообещала, что лекарство поможет, и Тай сполз ниже на подушке, чтобы оно начинало быстрее помогать, потому что от кишевших в голове мыслей было тяжелое и сонное чувство, от которого, тем не менее, никак не удавалось заснуть, потому что стоило только погрузиться в дрему, как какая-нибудь мысль вырывала из объятий сна. Она обещала привести родителей, и это тоже было странно - они все-таки у них есть, и он сможет их увидеть, может быть, узнать. Они что-нибудь расскажут, наверное что-то удастся вспомнить какие-то детали.

Ему было сложно. Ему постоянно казалось, что он потерял не просто память, он вообще потерялся сам, заблудившись в абсолютно пустом безликом пространстве, без запахов, без звуков, без цветов, без ощущений. Покачиваясь на волнах головной боли и ощущения собственной беспомощности, ему все же удалось заснуть.
